

картина сильно дисгармонирует с общим повествованием, которое прежде всего касается ситуации в ТАР, куда Восточный Тибет не входит, вследствие чего возникает вопрос: расцвет культуры, засвидетельствованный автором в этом регионе, является особенностью только последнего и, если это так, почему иначе дело обстоит в других областях этнографического Тибета? Вопрос повисает в воздухе и приобретает особую остроту при чтении следующей главы, в которой приводится подробная хронология событий 2008 г. вокруг Олимпийских игр в Пекине, вскрывающих большой уровень межнациональной напряженности в Тибете. Эта хронология, занимающая десять страниц, также вызывает сомнения, поскольку многие события, включенные автором в повествование, уже два года спустя выглядят утратившими актуальность.

Но главная претензия к книге лежит не в области содержания, а в области русского языка. К сожалению, в тексте нередки стилистические погрешности, неправильные согласования слов, ошибки в словоупотреблении и т.д. Особенно это свойственно многочисленным переводам цитат из документов и исследований, сделанным с китайского и английского языков и очень часто страдающим буквализмом. Приведу лишь несколько примеров:

«Но когда началось осуществление, методы раз за разом становились все более неистовыми, получились огромные перегибы, такие, как желание ускорения и поверхностное исполнение; границы стали расплывчатыми, а защита недостаточной» (с. 139).

«Китай растет как могущественное государство благодаря ее огромному экономическому прогрессу... В этом году китайский народ с гордостью и рвением ждет открытия Олимпийских игр» (с. 250).

«Это заявление воодушевляет в то время, когда возрос скептицизм в искренности Китая разрешить тибетский вопрос посредством диалога» (с. 256).

Полагаю, вину за эти несущественные для сути дела, но все же досадные погрешности должна в полной мере разделить с автором редактор Э.Ц. Цыбенова, которой, очевидно, недостает квалификации для работы с книгами, выходящими под грифом РАН.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что выход книги И.Р. Гарри является

важной вехой в развитии отечественной тибетологии. Ее взвешенное исследование, критическое в отношении как официальной китайской пропаганды, так и в отношении недостоверных сведений, на которые опирается тибетская сторона в своей полемике с Пекином, будет интересно и полезно не только тибетологам, но и китаистам, политологам, обществоведам. Вопросы, поднимаемые в книге, чрезвычайно важны и для российского общества, так как проблема сохранения национальных особенностей при объединении людей различных этносов в единую политическую нацию стоит в России очень остро.

А.В. Зорин

Отклик на статью В.В. Емельянова «О происхождении Энкиду в аккадском эпосе (к интерпретации Gilg. Ep. I ii 35-35a)» // Ассириология и египтология. СПб., 2004, с. 86–97.

Откликаться на эту небольшую публикацию не имело бы смысла, если бы в ней автор не позволил себе усомниться в точности перевода отрывка из эпоса о Гильгамеше нашего выдающегося ученого-древневосточника Игоря Михайловича Дьяконова (1915–1999). Помимо всего прочего, И.М. Дьяконов является автором первого и до сих пор единственного на русском языке полного научного издания эпоса о Гильгамеше, древнейшего в мире записанного эпического произведения¹. Впервые опубликованная в академической

¹ Фрагменты шумерского текста сказаний о герое Гильгамеше (исторический Бильгамес, XXVIII в. до н.э., шумерский правитель г. Урук, соврем. Варка) датируются концом III тыс. до н.э., к тому же времени относятся древнейшие сохранившиеся записи аккадской версии поэмы. От II тыс. до н.э. из Сиро-палестинского региона (Угарит, совр. Рас-Шамра, Эмар, совр. Тель-Мескене) и Малой Азии дошли отрывки «периферийной» аккадской версии, а также фрагменты ее переводов на хурритский и хеттский языки.

Окончательная редакция, т.н. «Стандартный вавилонский эпос» (Standard Babylonian epic), или «ниневийская» версия, на аккадском языке называвшаяся по первой строке *ša naqba imuru* «Тот, кто видел исток(и)», состоит из 12 таблиц и датируется VIII–VII вв. до н.э.: около половины всех списков, которых более 70, происходит из библиотеки ассирийского царя Ашшурбанипала (правил в 668–627 гг. до н.э.) в Ниневии (соврем. Куонджик).

серии «Литературные памятники» в 1961 г., эта работа по сей день служит образцом как научного, так и художественного перевода и широко известна не только специалистам-древникам, но и всем, кто интересуется литературой Древнего Востока.

В указанной статье В.В. Емельянов предложил собственную интерпретацию следующего фрагмента аккадской версии эпоса о Гильгамеше:

[*lul-la*] -a ^dEN.KI.DÙ *ib-ta-ni qu-ra-du*
i-lit-ti qul-ti ki-šir ^dNIN.URTA²

Первое, что вызывает некоторое недоумение у специалиста, — это нумерация обсуждаемого фрагмента, которая приводится в заголовке и далее повторяется в самой статье. На с. 94, прим. 3 автор указывает на то, что «текст эпоса цитируется по новейшему изданию (SBEG)» — имеется в виду издание финского ассириолога С. Парполы (Parpola), — однако по непонятной причине дает другую нумерацию, использованную в свое время Игорем Михайловичем³, который, по-видимому, следовал за изданием Р. Кэмбелл-Томсона⁴. В том же примечании Емельянов добавляет: «У Парполы иная нумерация строк, и наша строчка здесь разбивается на две — 86 и 87». Зачем нужна была вся эта путаница, остается неясным.

Во-вторых, В.В. Емельянов говорит об одной строчке, в то время как речь идет об одной строфе, состоящей из двух параллельных смысловых конструкций, которые, находясь в отношениях семантико-синтаксического параллелизма, могли быть записаны на глиняной табличке либо в одну строку (если хватало места), либо в две⁵. В последнем

случае каждая из смысловых конструкций записывалась целиком с новой строки, поэтому предлагаемое В.В. Емельяновым на с. 92 и в прим. 6 на с. 94 отнесение существительного *qu-ra-du* ко второй конструкции, на чем основаны и прочие построения, явно искусственно.

Итак, выдвигая собственное, по сути ошибочное обоснование предлагаемого «нового» членения анализируемой строфы, автор статьи высказывает ряд абсолютно несостоятельных упреков в адрес И.М. Дьяконова. На с. 94 в прим. 6 В.В. Емельянов пишет: «Именно так понимает строчку Дьяконов в последней версии своего перевода: „Слетела Энкиду, создала героя. Порождение полуночи, воин Нинурты...“⁶. Однако, здесь есть одна новая особенность: переводчик синтаксически отделяет одно полустигише от другого, полагая, что со слова *i-lit-ti* начинается следующее предложение. Это невозможно, поскольку слово стоит в родительном падеже. Кроме того, нельзя перевести *qu-ra-du* как „героя“, поскольку это слово стоит в именительном падеже. Так что, если и разделять предложения в строчке, то начиная с *qu-ra-du* „(Он) — герой...“» (везде подчеркнуто мной. — А.Н.).

Отмечая, что *qu-ra-du* «нельзя перевести как „героя“», В.В. Емельянов, похоже, пытался сказать, что это существительное не может являться дополнением. Однако хорошо известно, что в аккадском языке I тысячелетия до н.э., на котором написана исследуемая версия эпоса о Гильгамеше, формы именительного и винительного падежа единственного числа мужского рода часто совпадают, так что окончанием *-u* может быть оформлено как подлежащее, так и прямое дополнение (GAG § 63e).

Что касается существительного *i-lit-ti*, с которого будто бы не может начинаться предложение, то очевидно, что стоит оно отнюдь не в форме родительного падежа, как по наивности предполагает В.В. Емельянов, а в форме сопряженного состояния (*status constructus*) с так называемым нависным (облегчительным) гласным *-i*, что типично для многосложных основ с консонантным кластером в исходе, т.е. оканчивающихся на удвоенный

⁶ Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии. Сост. В.К. Афанасьева и И.М. Дьяконов. М., 1981. С. 124.

² Parpola S. The Standard Babylonian Epic of Gilgamesh. Cuneiform Text, Transliteration, Glossary, Indices and Sign List. The Neo-Assyrian Text Corpus Project. University of Helsinki, 1997. Table I: 86–87.

³ Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»). Пер. с акк. И.М. Дьяконова. М.–Л., 1961. С. 9. (Переизд. в кн.: Я открою тебе сокровенное слово... с. 122–194).

⁴ Судя по аналогичной ссылке, приведенной в соответствующем томе Чикагского словаря, в котором Эпос о Гильгамеше цитируется именно по изданию Р. Кэмбелл-Томсона 1930 г. (*Thompson R.C. The Epic of Gilgamesh*): “Aruru Created Enkidu, the Hero *ilitti qul-ti kišir Nimurta Gilg. I ii 35*” (CAD Q 302).

⁵ George A.R. The Babylonian Gilgamesh Epic. Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts. Oxford Univ. Press, 2003, Vol. 1–2, Table I: 103–104, p. 544.

согласный либо на два разных согласных (GAG § 64h).

Одним словом, И.М. Емельянов совершенно напрасно обвиняет И.М. Дьяконова в незнании элементарных грамматических правил аккадского языка. Более того, соединив собственные грамматические домыслы с переводом И.М. Дьяконова, на с. 88 автор делает вывод: «Получается еще туманнее: „герой — порождение полуночи, воин Нинурты“». Таким образом, перевод И.М. Дьяконова сначала передергивается, а потом этот передернутый перевод именуется «туманным», хотя в процитированном выше прим. 6, относящемся именно к приведенной фразе, В.В. Емельянов все-таки дает подлинный перевод И.М. Дьяконова⁷.

В реальности дело обстоит следующим образом. В соответствии с новейшим научным критическим изданием Эпоса о Гильгамеше⁸ обсуждаемая строфа выглядит так:

*ina šēri(edin) ^den-ki-dū ib-ta-ni qu-ra-du
i-lit-ti qul-ti ki-šir ^dnin-urta*

In the wild she created Enkidu, the hero,
an offspring of silence, knit strong by Ninurta⁹.

К этой строфе в издании Э. Джорджа имеется подробный лексический комментарий, касающийся понимания существительного *qul-ti* и выражения *ki-šir ^dnin-urta*. Упомянув распространенную трактовку первого как ‘ночная тишина’¹⁰ (предложена В. фон Золде-

ном; она же отражена в переводе И.М. Дьяконова¹¹), а также ‘гончарная глина’ (через исправление на *kul-<la>-ti* в CAD K 506), Э. Джордж весьма остроумно и логично предлагает понимать выражение *ilitti qūlti* «отпрыск молчания» как метафору сверхъестественного появления на свет Энкиду, не рожденного земной женщиной: он появился в полной тишине, т.е. без криков роженицы¹², поскольку был вылеплен из глины богиней Аруру.

Таким образом, реконструированное в издании С. Парполы в первой половине строфы [*lul-la*]-a ‘первочеловек, первозданный человек (сотворенный богами)’¹³ выглядело бы идеальным поэтическим параллелизмом к *ilitti qūlti*. Однако Э. Джордж приводит действительно сохранившийся текст, в соответствии с которым на самом деле в начале строфы содержится обстоятельство места *ina šēri* ‘в степи, пустоши’¹⁴, как говорится, ‘в чистом поле’, т.е. вдали от людей, на лоне природы, отсюда выражение, встречающееся в том же эпосе о Гильгамеше, *epēš šē[ri]* ‘возделывать степь’¹⁵, т.е. ‘охотиться’ (CAD E 218) на диких животных.

В параллель к словосочетанию *kišir Ninurta* Э. Джордж приводит аккадские имена собственные типа ‘*kišir* + имя бога’, ‘имя бога + *kušuršu/kušranni*’, ‘имя бога + *kāšir*’. Словари аккадского языка интерпретируют употребление существительного *kišru(m)* ‘узел, связка, крепление’ и форм глагола *kašāru(m)* ‘за-

ве общего значения только “silence” (CDA, p. 291). Отметим, что данный контекст из эпоса о Гильгамеше в Чикагском словаре приведен именно под значением “silence”.

¹¹ При этом в комментарии И.М. фактически указывает на то, что *qūltu* — дословно «молчание»: “Ilitti qūlti kišir Ninurta — дословно «порождение молчанья (пустыни), сущность (или полк) Нинурты»” (Дьяконов 1961, с. 148).

¹² *George A.R. The Babylonian Gilgamesh Epic. P. 789, n. 104.*

¹³ В соответствии со словарем, одним из авторов которого был как раз Джордж, акк. *lullū(m)* “primeval man” created by gods (CDA, p. 185); в Чикагском словаре основное значение дано без уточнений как “man” (CAD L 242).

¹⁴ На возможное восстановление начала строки как «в степи» указал в комментарии к своему переводу И.М.: «Другое восстановление: „В степи Энкиду создала, героя“» (Эпос о Гильгамеше («О всё выдавшем»)).

¹⁵ *George A.R. The Babylonian Gilgamesh Epic. Table I:132.*

⁷ По нашему мнению, некомпетентность и недобросовестность характеризуют также монографии Емельянова, о чем красноречиво свидетельствуют отрицательные рецензии О.Г. Большакова, С.М. Прозорова, С.А. Французова на его книгу «Ислам. Карманный словарь» (Восток (Oriens). М., 2003, № 3. С. 177–183); В.П. Яйленко о плагиате в его книге «Древний Шумер. Очерки культуры» (Проблемы истории, филологии, культуры. М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2008, вып. XXII. С. 658–664); Г.Х. Каплан на подготовленное им издание «Ассиро-вавилонский эпос. Переводы с шумерского и аккадского языков В.К. Шилейко» (Вестник древней истории. М., 2009, № 4. С. 201–211).

⁸ *George A.R. The Babylonian Gilgamesh Epic.*

⁹ Этот же перевод см. в: *George A. The Epic of Gilgamesh. Allen Lane The Penguin Press, 1999. Table I:103–104.*

¹⁰ Чикагский словарь дает для акк. *qūltu(m)* два значения: 1. “dead of night”, 2. “silence”. Однако выделение первого можно считать избыточным, поскольку оно относится к конкретному аккадскому словосочетанию *qūlti mūši* (CAD Q 302), что дословно и есть «тишина ночи». Корректнее поступили авторы краткого словаря, указав в качест-

вязывать, связывать, соединять' в подобных словосочетаниях как метафору поддержки, оказываемой человеку тем или иным божеством. "As the champion of the gods and the epitome of the young hero, Ninurta is a god associated with successful feats of arms, particularly in single combat with a mighty rival (e.g. Anzû, Asakku). Enkidu, whose physical being has been given cohesion by Ninurta, will be the champion of the people of Uruk and will meet with Gilgameš in single combat"¹⁶. Кроме того, этот эпитет Энкиду превосхищает образ *kisru ša Anim*, символизирующий Энкиду в вещих снах Гильгамеша и интерпретируемый как «ком/сгусток Ану», т.е. твердое вещество небесного происхождения, метеорит. Метеориты, как замечает Э. Джордж, в эпоху бронзы были важным источником качественного железа¹⁷.

Из всего изложенного выше следует, что предлагаемый на с. 92 указанной статьи «новый» перевод В.В. Емельянова «...герой — порождение зловещей тишины, территории Нинурты-Нергала», ради которого, вероятно, и была написана статья, с точки зрения грамматики и лексики аккадского языка, а также — поэтической структуры эпоса не имеет серьезных оснований.

Опираясь на современное критическое синоптическое издание эпоса о Гильгамеше, можно было бы предложить такой более или менее эквивалентный перевод рассмотренной строфы:

В глуши Энкиду создала героя,
Рожденного (в) тиши, (с) мощью¹⁸ Нинурты.

Надо отметить, что к такой интерпретации в сущности вполне близок был и перевод И.М. Дьяконова (особенно с учетом сделанного им комментария, см. зд. сн. 11, 14), опубликованный еще в 1961 г. и подвергшийся со стороны В.В. Емельянова абсолютно необоснованной критике.

Список сокращений

- CAD — The Assyrian Dictionary. Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago–Glückstadt, 1956 ff.
- CDA — *Black J., George A., Postgate N.* A Concise Dictionary of Akkadian. Wiesbaden, 2000.
- GAG — *Soden W., von.* Grundriss der akkadischen Grammatik // *Analecta Orientalia*. 33. 3. ergänzte Auflage unter Mitarbeit von W.R. Mayer. Roma, 1995.

А.В. Немировская

¹⁶ *George A.R.* The Babylonian Gilgamesh Epic, P. 789, no. 104.

¹⁷ *George A.R.* The Babylonian Gilgamesh Epic, P. 789, no. 104; p. 793, no. 124–5//151–2.

¹⁸ На сложность подбора русского эквивалента аккадскому *kisru(m)* указывал в своем комментарии И.М. Дьяков: «Слово *kisru* имеет много значений, ни одно из которых не кажется дословно подходящим в контексте поэмы. <...> Мы исходим из значения „полк, воинство“, выбирая в зависимости от контекста условный перевод „воинство“, „воины“ или „воин“ (Эпос о Гильгамеше («О всё видавшем»)).